

Н. Б. СЕЛУНСКАЯ

## МИФОЛОГЕМА «РУССКИЙ ЕВРОПЕЕЦ» КАК СУБЪЕКТИВНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ ЭМИГРАНТОВ «ПЕРВОЙ ВОЛНЫ»

---

Методология социокультурного подхода вызвала дискуссии о содержании базовых понятий, транслирующих субъективные измерения и оценки идентичности «беженцев из России», актуализировала значимость источниковедческих аспектов исследования. Весьма полезен опыт использования контекстуального и лингвистического анализа беллетризованных мемуарных источников и источников устной истории для аутентичного прочтения и раскрытия смыслов оценок социокультурной идентичности эмигрантов на персональном и групповом уровне, как например, «русский европеец», содержащихся в публикации «Мы, русские беженцы...» А.И. Куприна. Это – ресурс для обогащения знаний о характере изменений в самооценках, системах ценностей, восприятии «своего» и «чужого»/«иногo» пространства беженцами из России, которые репрезентируют их локальную/национальную идентичность.

**Ключевые слова:** беллетризованные мемуары, идентичность, мифологема, персональная история, «русский европеец», субъективное измерение, эмиграция

---

Рождение новых понятий, уточнение и корректировка их содержания и объема во многом связаны с развитием методологического и исторического знания. В частности, интерес историков к методологии социокультурного подхода проявился в очевидном обновлении языка исторических сочинений, введении ряда значимых концептов в исторический дискурс. Среди них особого внимания заслуживают понятия исторической памяти и идентичности. Подтверждением высказанным соображениям может быть состоявшееся в октябре 2016 года широкое обсуждение этих понятий на международной конференции «История, память, идентичность: теоретические основания и исследовательские практики»<sup>1</sup>, полемический характер которого проявлялся в высказанных критических замечаниях. Так, отмечалось, что «по мере того, как концепт идентичности приобретал популярность в научной среде и становился предметом общественного дискурса, разворачивалась полемика по поводу кризиса самого этого концепта»<sup>2</sup>. Неудовлетворенность «идентитарным подходом» была связана с «методологическими трудностями анализа идентичности», а также неопределенностью содержания и многозначностью понятия идентичности. Сложность состоит в том, что это понятие относится к категориям т.н. «субъективно-го измерения» в истории. Представляется важным в процессе категори-

---

<sup>1</sup> История, память, идентичность... 2016.

<sup>2</sup> Там же. С. 405.

зации специфицировать концепт идентичности в конкретном историческом контексте. Введение в оборот историками категорий «субъективного измерения» требует усилий по разработке специальных методологических процедур в исследовательских практиках их применения.

В дискуссиях о содержании концепта идентичности Л.П. Репина четко прописывает структуру идентичности как субъективного измерения. По ее мнению, понятие идентичности включает «принятие и усвоение совокупности представлений, ориентаций, норм, ценностей, форм поведения той общности (семейно-родственной, локальной, этнической, конфессиональной, профессиональной, национальной), с которой индивид себя отождествляет»<sup>3</sup>. В то же время историки подвергают сомнению утверждение о формировании идентичности лишь в «координатах ментальной и этнической детерминированности», считая его ограниченным и неполным. В дополнение предлагается рассмотреть такие спецификации категории идентичности как «надэтническую, интегрирующую идентичность», вариантом которой может быть, например, «европейская идентичность»<sup>4</sup>. Еще одним важным ракурсом раскрытия содержательного наполнения концепта идентичности является его тесная связь с понятием памяти. В современном дискурсе по проблеме идентичности ярко проступает тезис об «исторической идентичности» как основе коллективной идентичности, подчеркивается ключевое значение «представлений о прошлом» в структуре идентичности<sup>5</sup>.

Вот почему в исследовательских практиках следует особое внимание обратить на способы и методы выявления формирования и изменений идентичности, в т.ч. на источниковедческие аспекты исследования. Здесь важно найти «чувствительные источники», фиксирующие информацию об идентичности, а также раскрыть возможности аутентичного прочтения этого понятия. Такого рода попытки были предприняты в моем докладе на конференции, посвященном проблемам взаимодействия памяти и адаптации в процессе изменений социокультурной идентичности у представителей Русского зарубежья<sup>6</sup>.

В данной статье будет показана роль и функции понятия «русский европеец» как индикатора изменений индивидуальной социокультурной идентичности в переломные периоды жизни человека, его персональной истории. Особенно это относится к эмигрантам «первой волны», в состав которой входили представители интеллигенции и российской аристократии. Именно в процессе «самоосознания», который для интеллигенции был своеобразным способом ее существования и «са-

---

<sup>3</sup> Репина 2011. С. 454.

<sup>4</sup> История, память, идентичность... С. 382-384.

<sup>5</sup> Репина 2011. С. 455.

<sup>6</sup> Селунская 2016.

моразвития», можно наблюдать и сохранение русской эмиграцией культурно-исторической памяти, определяющей устойчивость ментальных и поведенческих традиций «своей» среды русскими эмигрантами и их адаптацию к новой культурной среде, т.е. восприятие присутствующей этой «иной» среде системы ценностей. В современной литературе, посвященной анализу причин «массового русского исхода из России в 20-ые годы» в контексте социокультурного подхода, подчеркивается преобладание среди «многочисленных выходцев из интеллигенции» мотивации психологического характера. Этой мотивацией было стремление к спасению и сохранению культурных ценностей, осознание своей главной миссией быть носителями национальной культуры, «оставаться русскими в иной культурной среде»<sup>7</sup>. И, вместе с тем, отмечается открытость российской эмиграции культурам стран проживания, свободное взаимодействие с ними при сохранении ощущения эмигрантами себя как органической части национальной культуры<sup>8</sup>.

В содержании понятий «русская эмиграция» и «русская диаспора» считается специфика осознания эмигрантами из России своей групповой национальной идентичности. Однако многие эмигранты сами себя таковыми не считали. Особенно это относится к эмигрантам «первой волны», которые называли себя «беженцами». Такое определение, связанное с обыденным сознанием самих представителей эмиграции, является предметом дискуссии в историографии. Так, представитель Московской патриархии игумен Иннокентий Павлов в докладе на международной конференции «Культурное наследие русской эмиграции 1917–1940» доказывал, что применительно к уехавшим из России в тот период более корректно применять термин «беженцы», так как их выезд происходил не в добровольном порядке<sup>9</sup>. При интерпретации национальной составляющей в идентичности русских эмигрантов следует учитывать и тот факт, что за пределами России все выходцы из России именовались «русскими». Вместе с тем, несмотря на общеизвестную устойчивость русских к ассимиляции за рубежом, она, конечно, не была абсолютной. В историографии справедливо предлагается пользоваться уточняющими определениями, указывающими, например, на место рождения, а не на этническую принадлежность при использовании как базового понятия «российская эмиграция», т.е. говорить о «выходцах из России», «уроженцах России», осознание общей идентичности которыми еще требует доказательства.

Таким образом, спорным является и понятие «русский» как индикатор национальной принадлежности эмигрантов-беженцев, и понятие

---

<sup>7</sup> Макаренкова 2007. С. 240-241.

<sup>8</sup> Новиков 1997. С. 8.

<sup>9</sup> Фрейнкман-Хрусталева, Новиков 1995.

«эмиграция» как «объединяющая мотивация» применительно к покинувшим Россию в послереволюционный период, что также осложняет исследование идентичности эмигрантов на групповом уровне. Спецификация понятия «эмиграция» предполагает и рассмотрение взаимосвязи его с термином «диаспора» в контексте поставленной проблемы оценки этнокультурной идентичности представителей Русского зарубежья. Во Введении к сборнику «Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX–XXI вв.» Ю.А. Поляков дал определение понятию «диаспора» как этнической общности, находящейся в иноэтнической среде, интерпретируя смысл понятия «диаспора» как «население той или иной страны, принадлежащее этнически и культурно к другому государству»<sup>10</sup>. В том же сборнике, в статье В.А. Тишкова было особо отмечено, что история и культурная отличительность – это основа, на которой формируется феномен диаспоры. При этом особую роль, по мнению автора, играют «представления об общей родине», «выстраиваемые на этой основе коллективной связи», групповая солидарность и демонстрируемое отношение к родине. Была также подчеркнута необходимость анализировать и обратные по характеру процессы социальной адаптации, приводящей к «денационализации, абсорбации эмигрантов на индивидуальном и групповом уровнях, включенности их в новую социокультурную среду»<sup>11</sup>.

Итогом дискуссий, ведущихся в историографии по поводу интерпретации ключевых понятий, является повышенный интерес историков к источниковедческим аспектам проблемы. Очевидно, что методология исследования идентичности представителей русской эмиграции включает как необходимый этап поиск, выявление и аутентичное прочтение источников, хранящих память о рефлексиях и восприятиях эмигрантов себя в новой среде, то есть о процессе их самоидентификации. И только успешно пройдя этот этап, можно переходить к процедуре раскрытия смыслов понятий и терминов, которыми оперирует историк при формировании исторического знания об изучаемом явлении. Эта процедура включает анализ «мифологем», созданных современниками и поддержанных историографической традицией изучения «русского зарубежья», русской эмиграции, национальных диаспор «в изгнании» вообще. Представляется, что наиболее привлекательной в плане емкости содержания и полноты описания идентичности русских эмигрантов «первой волны» является оценочная характеристика «русские европейцы». Это понятие бытует в отечественной традиции интеллектуальной мысли не одно столетие и может рассматриваться как определение «составной», «бинарной» идентичности.

---

<sup>10</sup> Национальные диаспоры в России и за рубежом... С. 4.

<sup>11</sup> Тишков 2001. С. 14, 22.

«Русский европеец» представляется мифологемой конструирования индивидуальной и групповой идентичности, образа-архетипа российского интеллигента «нового времени». Исторический контекст во многом определяет раскрытие смыслов понятий – индикаторов идентичности на групповом уровне. Так, в оценочном концепте «русский европеец» первая его составная часть, отражающая национальную специфику идентичности представителей Русского зарубежья, сохраненную на основе памяти, требует дополнительной интерпретации в историческом контексте формирования и бытования феномена русской эмиграции. Известно, например, что Владимир Соловьев причислял себя к «русским европейцам», которые существовали, по его мнению, наряду с европейцами английскими, французскими, немецкими. Он также утверждал, что «европеец» – это понятие с определенным содержанием и расширяющимся объемом<sup>12</sup>. Содержание отличается биполярностью составляющих его частей, весьма противоречивых по сути и оценкам. Так, если «европеец» является генерализирующей, типизирующей оценкой идентичности индивида, индикатором принадлежности его к «современному» модернизированному («европеизированному», «вестернизированному») обществу, то понятие «русский» фиксирует национальную специфику, сохранение особенного в проявлении общих черт и поведенческих стереотипов, характерных для модели идентичности, отраженной в понятии «европеец». Раскрытие данной характеристики как оценочной в исследовании сохранения и изменений идентичности представителей русских диаспор за рубежом требует особого внимания к мемуарным источникам и источникам, хранящим «устную историю» коллективной памяти и пережитого опыта.

О росте интереса историков к мемуарным источникам эмигрантов, свидетельствуют публикации информационно-справочных изданий, представляющих эту разновидность источников исторической памяти. Пример масштабного издания подобного рода с весьма амбициозными целями – публикация «Россия и российская эмиграция в воспоминаниях и дневниках». Этот аннотированный указатель книг, журнальных и газетных публикаций, изданных за рубежом в 1917–1991 гг.<sup>13</sup> является совместным российско-американским проектом крупнейших институтов двух стран – Государственной публичной исторической библиотеки и эмигрантского центра США. В то же время руководители и авторы проекта замысливали его как продолжение и дополнение к наработкам П.А. Зайончковского, выпустившего фундаментальный библиографический справочник по истории дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях. Именно это обстоятельство и привело к «раздвоению»

<sup>12</sup> Соловьев В.С. Собр. соч. 2-ое изд. Т. 10. С. 149.

<sup>13</sup> Россия и российская эмиграция в воспоминаниях и дневниках...

замысла авторов проекта, к попытке дать информацию и по России и по истории эмиграции, что чрезвычайно затрудняет работу с материалом. Справедливо отмечается в критической рецензии Е.К. Соколинского<sup>14</sup>, что авторам надо было «акцент делать на истории эмиграции и личности эмигрантов», но авторы «раздваивают внимание, формулируя свой предмет как Россия и эмиграция». Такой подход затрудняет поиск источников, так как материал классифицирован по комбинированным, «смешанным» принципам: то по тематике «россики», то по хронологическим основаниям. Специалисты отмечают неполноту указателя, пропуски авторитетных справочно-информационных изданий<sup>15</sup>, а также ограничение выявленных наименований московскими книгохранилищами, отсутствие дифференциации источников по их разновидностям и другие недостатки, которые весьма существенно снижают значимость данного справочно-информационного издания как основы для поиска мемуарных источников и формирования источниковой базы исследований по истории эмиграции, национальных диаспор, в частности.

Большой интерес представляют специализированные справочники сочинений, писем, беллетризованных воспоминаний и рассказов о жизни, например, русской литературной эмиграции, писателей, выехавших за рубеж после революции и гражданской войны: можно назвать такие издания как «Писатели русского зарубежья», «Русская литература в изгнании» и др.<sup>1</sup> В этих изданиях собрана библиография особого рода, представленная мемуарной литературой, которая может приближаться к документальному повествованию и в то же время представлять собой художественное переосмысление реальности в сознании писателей. Такого рода тексты не свободны от вымысла, однако они представляют несомненный интерес для исследователя как особая разновидность источника, содержащая не просто описание жизни эмигрантов, но и художественное обобщение, образность.

Проблемы, связанные с особенностями мемуарных источников, источников «устной истории» в контексте исследования истории русской эмиграции были предметом специального обсуждения на международной конференции «Русские в Финляндии», которая проводилась в 2003 г. в Петербурге. В ходе обсуждений историки отмечали, что воспоминания и даже рассказы самих эмигрантов («устная история») являются особенно востребованными при изучении истории российского зарубежья, или истории русской эмиграции в отдельных странах как источники изучения исторической памяти. На основе мемуарных ис-

---

<sup>14</sup> Соколинский 2004. С. 33-35.

<sup>15</sup> Так в рецензии Е.К. Соколинского отмечен пропуск публикации И.Л. Полотовской «Материалы для библиографии информационных ресурсов Русского зарубежья» (СПб., 2002).

точников была сделана попытка прочтения «составной» идентичности представителей русской диаспоры, сформулированной в определении «русские европейцы» и объясненной как следствие их способности и к сохранению общей памяти об их родине – России, и к адаптации исторгнутых из «своей» культурной среды эмигрантов к окружению «иного» (но нечуждого им) культурного пространства<sup>16</sup>.

Примером «записанной» устной истории русской диаспоры в Финляндии является интересная работа Натальи Башмаковой и Марьи Лейнонен, в которой содержится «много романтики» в представлениях о русском человеке в Финляндии», «которые подсознательно сводят всех представителей русской культуры в своей стране к одному понятию – эмигрант». Ценность «коллективной устной истории», реконструированной Н. Башмаковой, связана с личностью автора, которая сама писала воспоминания о себе и своих родных, а также записывала устные рассказы-воспоминания со слов эмигрантов в Финляндии<sup>17</sup>.

На сближение на протяжении XIX–XX в. такой разновидности источников как мемуары с жанром художественной литературы обращают внимание в своих исследованиях и историки, и литературоведы. При этом от романа, как наиболее популярного прозаического жанра, мемуары переняли такое качество как воздействие художественного эмоционального начала при изложении фактов. Художественная литература, со своей стороны, тянулась к истории, устав от «романтического вымысла». К ней стали предъявляться требования правдивого воспроизведения действительности. Документалистика втянулась в литературное пространство, исторический источник, представленный мемуаристикой, парадоксально сочетающей субъективность с достоверностью, вплотную приблизился к границе истории с литературой. Все это стало причиной появления т.н. беллетризованных мемуаров и писем. Они и представляют особый интерес для исследования идентичности через «считывание» и реконструкцию образов покинутой родины и/или обретенного «нового» (своего/чужого) пространства. Здесь стоит лишь отметить, что, как указывают специалисты, для мемуарных текстов XX в. особой вехой является 1917 год, который часто сопоставляют с подобным ему по значению рубежом для XIX в., каким являлся 1812 год. Эта роль сделала 1917 год маркером-вехой в разделении русской литературы и мемуаристики на советскую и эмигрантскую<sup>18</sup>.

Примером изучения индивидуальной идентичности русских эмигрантов, которая может быть охарактеризована понятием «русский европеец», на основе беллетризованных мемуаров и писем может быть

---

<sup>16</sup> Российское зарубежье в Финляндии... 2004.

<sup>17</sup> Башмакофф 2004.

<sup>18</sup> Демидова 2003.

исследование персональной истории А.И. Куприна, в которой легко найти и сохраненную «русскость», и открытость к адаптации к «новой культурной среде», «европейским нормам жизни».

Основным источником изучения феномена «русского европейца» в контексте персональной истории А.И. Куприна является его книга «Мы, русские беженцы в Финляндии». Составителем этой публикации, основанной на коллекции дневниковых записей, наблюдений и очерков-воспоминаний Куприна, изданных в зарубежной эмигрантской периодике и посвященных его впечатлениям о жизни, быте, людях, с которыми он встречался, находясь в Финляндии, является профессор Хельсинского университета Бен Хеллман (Ben Hellman)<sup>19</sup>.

По воспоминаниям современников наружность Куприна была впечатляющей: «Широкоплечий, коренастый человек среднего роста с неизгладимыми следами стройной военной выправки. Широкое, скуластое лицо, красное от ветра и водки, длинные, опущенные татарские усы, острая бородка». В лице и походке Куприна сплелись самые разные свойства: «И мягкая кошачья вкрадчивость хищника, и острый, пристальный взгляд охотника, и такой же пристальный, только в другие миры направленный, не видящий собеседника, взгляд мечтателя..., и добродушие, и деликатность, и мягкость, и грубость, и лукавство, и беспечность, и веселый задорный смех, и пронзительная грусть, и что-то изящное, и благородное и смелое, и что-то детское, застенчиво-беспомощное, и удаль, и широта, и озорные огоньки в глазах, и во всем что-то неуловимое родное, ласковое, русское, любимое»<sup>20</sup>.

Как это «русское» начало в А.И. Куприне проявлялось через восприятие им «европейского» возможно проследить по его записям и наблюдениям о жизни русских беженцев в Финляндии. Куприна удивил сразу тот факт, что «за Белоостровом уже с трудом понимают порусски. К полудню поезд проходит вдоль голых, гранитных громад, и мы в Гельсингфорсе. Так близко от С.-Петербурга, и вот – настоящий европейский город. Уличная толпа культурна.... Асфальтовые тротуары широки, городовые стройны, скромно щеголеваты и предупредительно вежливы, на извозчиках синие пальто с белыми металлическими пуговицами, нет крика и суеты, нет разносчиков и нищих»<sup>21</sup>.

Обращают на себя внимание характеристики, данные Куприным финскому обществу того периода, в т.ч. касающиеся положения женщин. «В Финляндии женщина всегда может быть уверена, что ей уступят место в вагоне, в трамвае, в дилижансе. Но ей также уступили место и в государственном сейме, и финны справедливо гордятся тем, что

---

<sup>19</sup> Куприн 2001.

<sup>20</sup> Там же. С. 9.

<sup>21</sup> Там же. С. 313-314.

в этом деле им принадлежит почин. Они первые в Старом Свете послали четырех женщин блюсти высшие интересы страны вместе с достойнейшими». Европейские черты Куприн видел в том, что «Финляндия поистине демократична. Демократична вовсе не тем, что в ней при выборах в сейм победили социал-демократы, а потому, что ее дети составляют один цельный, здоровый, работающий народ, а не как в России – несколько классов, из которых высший носит на себе самый утонченный цвет европейской полировки, а низший ведет жизнь пещерного человека. И кажется, в этой-то народности – я бы сказал: простонародности – и коренится залог прочного, крепкого хозяйственного будущего Финляндии»<sup>22</sup>. В структуре наднациональной «европейской идентичности» Куприн выделяет и ранжирует пласты финской и шведской культуры, подчеркивая благородство одной и мужицкую природу другой: «Трогательно, иногда чуть-чуть смешно лежит на этой мужицкой внешности след старинной феодальной шведской культуры»<sup>23</sup>.

Эстетизм восприятия Куприным европейской культуры даже в национальном финском варианте связан с его наблюдениями, по которым даже «в маленьком Гельсингфорсе больше цветочных магазинов, чем в Петербурге», «а по воскресеньям утром на большой площади у взморья происходит большой торг цветами, привозимыми из окрестностей... За полторы марки (пятьдесят копеек с небольшим) вы можете приобрести небольшую корзину с ландышами, гиацинтами, нарциссами. И это в исходе зимы»<sup>24</sup>. В созданном Куприным образе финской культуры как варианта европейской, но с характерными «отступлениями», определенное место занимает описание праздников и характеристика ритуала дарения подарков, в котором проступает национальный характер: «На рождество, на елку, дарят друг другу подарки. Здесь опять-таки сказывается практический дух мужиковатого народа: дарят исключительно домашние необходимые вещи, большею частью своего изделия. Особенно принято дарить мужчинам теплый нижний вязаный костюм. Этот костюм обтягивает вплотную все тело, он вяжется целым от шеи до подошв и застегивается на спине. Большинство мужчин носят под одеждой такое теплое трико, и понятно, почему финны так легко одеваются даже в сильные морозы»<sup>25</sup>.

Вместе с тем, наибольшее восхищение Куприна вызывали черты европейской культуры и «поголовная грамотность финнов». Например, он повествует о своих впечатлениях от посещения нового городского училища, находящегося на окраине города: «Это дворец, выстроенный

---

<sup>22</sup> Куприн 2001. С. 338-339.

<sup>23</sup> Там же. С. 339.

<sup>24</sup> Там же.

<sup>25</sup> Там же. С. 317.

года три-четыре тому назад, в три этажа, с саженными квадратными окнами, с лестницами, как во дворце, по всем правилам современной широкой гигиены. Я обходил классные помещения сейчас же после того, как окончились в них занятия. Всякий из нас, конечно, помнит тот ужасный, нестерпимый зловонный воздух, который застаивается в классах наших гимназий, корпусов и реальных училищ после трех-четырёх уроков. О городских школах и говорить нечего! И потому я буквально был поражен той чистотой воздуха, которая была в учебных комнатах финского низшего училища. Достигается это, конечно, применением самой усовершенствованной вентиляции, но главным образом тем, что финны вообще не боятся свежего воздуха и при всяком удобном случае оставляют окна открытыми настежь, с замечательной любовью и заботливостью. Пропасть света и воздуха, и, наконец, даже такая мелочь, как цветы на окнах, – цветы, которые с большим удовольствием приносят в школу сами ученики, – все это трогательно свидетельствует о внимательном и разумном, серьезном и любовном отношении к делу»<sup>26</sup>. Как специфическую черту культуры Финляндии Куприн называет необыкновенную тягу финнов к спорту, который «здесь в большом почете, но опять-таки спорт разумный и даже, если хотите, патриотический». По его наблюдениям, почти ни одного мальчишку невозможно увидеть здесь на улице без коньков в руках, а по праздникам девушки, студенты, приказчики, конторщики, очень часто пожилые и даже толстые и седые люди, отправляются с лыжами куда-нибудь на край города. Летом финская молодежь собирается в гимнастические общества, занимается бегом взапуски, метанием дисков и копий, прыжками в ширину и в длину, и в особенности плаваньем, в котором финны не имеют соперников в Европе. «Я скажу не преувеличивая, что через такую здоровую, вольную школу, воспитывающую дух и тело, проходит каждый финн»<sup>27</sup>.

Таким образом, А.И. Куприн в своем мироощущении и мировосприятии эталоном совершенства постоянно, порой подсознательно, порой осознанно и уверенно, представляет европейскую культуру. Это свидетельствует о его открытости европейским ценностям и принятии их. Однако писатель не говорит об отождествлении своей личностной персональной идентичности с ними, а использует «европейское» как критерий цивилизационного развития. Так, характеризуя непрестанно растущий успех Финляндии во всех отраслях изящных искусств, он подчеркивает, что «Суоми уже приближается к высоте великого европейского творчества и становится с ним рядом»<sup>28</sup>.

---

<sup>26</sup> Там же.

<sup>27</sup> Там же.

<sup>28</sup> Там же. С. 341.

А.И. Куприн видит различия не в пользу России, оценивая, например, публику, посещающую Atheneum, которая, по его мнению, «поражает наш русский глаз, привыкший видеть в наших музеях, картинных галереях, на выставках исключительно нарядную салонную публику». В гельсингфорском Atheneum'e, замечает писатель, «вы увидите в праздник самых серых тружеников – рабочих, разносчиков, прислугу, – но одетых в самое лучшее, праздничное платье». У русского писателя в его записках, наблюдениях, воспоминаниях «русского европейца» слышны и мотивы восхищения эмигранта Финляндией, и горечь беженца, хранящего память о России и узнающего отражения родины в истории страны Суоми. Он пишет: «Теперь Суоми свободна и самостоятельна, но некоторые вещи, более прочные, чем человеческое поколение, будут надолго, если не навсегда, напоминать о русской культуре. Это, во-первых, лиственнная аллея, насаженная Петром I в Куоккале, во-вторых, – Сайменский канал, где на последнем шлюзе выгравирована четкая надпись: «Построено русскими солдатами по велению императора Николая I в таком-то году; в-третьих, Свеаборгская морская крепость; в-четвертых, памятник императору Александру II против Сената и, в-пятых, Александровская улица, Александергатан»<sup>29</sup>.

#### БИБЛИОГРАФИЯ

- Башмакофф, Наталия. Пряный вкус многоголосья, или в поисках утраченного семейного уклада // Отечественные записки. № 3. 2004.
- Демидова О.Р. Метаморфозы в изгнании. Литературный быт Русского зарубежья. СПб.: Гиперион, 2003. 296 с.
- История, память, идентичность: теоретические основания и исследовательские практики. Материалы международной научной конференции 3-4 октября 2016. М.: Аквилон, 2016- 474с.
- Куприн А. Мы, русские беженцы в Финляндии: Публицистика (1919–1921) / Сост., вступ. ст. и коммент. Б. Хеллмана при уч. Р. Дэвиса. СПб.: «Нева», 2001. 431с.
- Макаренкова Е.М. Проблема самоидентификации эмигрантов во Франции // Диалог со временем. 2007. Вып. 20. С. 239-251.
- Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX–XXI вв. / Под ред. Ю.А. Полякова и Г.Я. Тарле. М.: ИРИ РАН, 2001. 329 с.
- Новиков А.И. Методологические проблемы изучения культуры Русского зарубежья // Наука и культура Русского зарубежья. СПб., 1997. Т. 146.
- Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. Социальные теории и историографическая практика. М.: «Кругъ», 2011. 560 с.
- Российское зарубежье в Финляндии между двумя мировыми войнами СПб., 2004.
- Россия и российская эмиграция в воспоминаниях и дневниках: аннот. указ. кн., журн и газ. публ., изд. за рубежом в 1917–1991 гг. В 4 т. М.: ГПИБ, 2003.
- Селунская Н.Б. Память как основа ригидности и подвижности национальных диаспор // История, память, идентичность... С. 354-357.
- Соколинский Е.К. Мемуары эмигрантов // «Берега». СПб., 2004, вып. 3.
- Соловьев В.С. Собр. соч. 2-ое изд. Т. 10. С.-Петербург, 1914.
- Тишков В.А. Исторический феномен диаспоры // Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX – начале XX вв. Сб. ст. М.: ИРИ РАН, 2001. С. 9-44.

<sup>29</sup> Там же.

Фрейнкман-Хрусталева Н.С., Новиков А.И. Эмиграция и эмигранты. История и психология. СПб.: СПбГАК, 1995. 153 с.

#### REFERENCES

- Bashmakoff, Nataliya. Pryanjy vkus mnogogos'ya, ili v poiskah utrachennogo semejno go uklada // Otechestvennye zapiski. № 3. 2004.
- Demidova O.R. Metamorfozy v izgnanii. Literaturnyj byt Russkogo zarubezh'ya. SPb.: Giperton, 2003. 296 s.
- Istoriya, pamyat', identichnost': teoreticheskie osnovaniya i issledovatel'skie praktiki. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii 3-4 oktyabrya 2016. M.: Akvilon., 2016- 474s.
- Kuprin A. My, russkie bezhency v Finlyandii: Publicistika (1919–1921) / Sost., vstup. st. i komment. B. Hellmana pri uch. R. Dehvisa. SPb.: «Neva», 2001. 431s.
- Makarenkova E.M. Problema samoidentifikacii eh migrantov vo Francii // Dia-log so vremenem. 2007. Vyp. 20. S. 239-251.
- Nacional'nye diaspor y v Rossii i za rubezhom v XIX–HKHI vv. / Pod red. YU.A. Polyakova i G.YA. Tarle. M.: IRI RAN, 2001. 329 s.
- Novikov A.I. Metodologicheskie problemy izucheniya kul'tury Russkogo zarube-zh'ya // Nauka i kul'tura Russkogo zarubezh'ya. SPb., 1997. T. 146.
- Repina L.P. Istoricheskaya nauka na rubezhe HKH–XXI vv. Social'nye teorii i istoriograficheskaya praktika. M.: «Krug», 2011. 560 s.
- Rossijskoe zarubezh'e v Finlyandii mezhd u dvumya mirovymi vojnami SPb., 2004.
- Rossiya i rossijskaya eh migraciya v vospominaniyah i dnevnika h: annot. ukaz. kn., zhurn i gaz. publ., izd. za rubezhom v 1917–1991 gg. V 4 t. M.: GPIB, 2003.
- Selunskaya N.B. Pamyat' kak osnova rigidnosti i podvizhnosti nacional'nyh diaspor // Istoriya, pamyat', identichnost'... S. 354-357.
- Sokolinskij E.K. Memuary eh migrantov // «Berega». SPb., 2004, vyp. 3.
- Solov'ev V.S. Sobr. soch. 2-oe izd. T. 10. S.-Peterburg, 1914.
- Tishkov V.A. Istoricheskij fenomen diaspor y // Nacional'nye diaspor y v Ros-sii i za rubezhom v XIX – nachale XX vv. Sb. st. M.: IRI RAN, 2001. S. 9-44.
- Frejnkman-Hrustaleva N.S., Novikov A.I. EH migraciya i eh migranty. Istoriya i psihologiya. SPb.: SPbGAK, 1995. 153 s.

*Селунская Наталья Борисовна, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры источниковедения, исторический факультет, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова; selounsk@yandex.ru*

#### **A Mythologem “Russian-European” as a subjective dimension of identity of the “first wave” emigrants**

Methodology of socio-cultural approach initiated the discussion on the basic concepts, translate so called “subjective dimensions” (evaluations) of the identity of the Russians emigrants. Besides, it brought forward the importance of source study’s contribution to the research. It seems to be very productive to apply linguistic and contextual analysis to memory sources as well as to the sources of “oral history” in order to discover the true content of the evaluations of cultural and social individual and group identity of Russian emigrants. For example, in the publication, written by Alexander Kuprin “Mi, Russkie bezentsi” we can find the mythologem of “Russian-European”, which could represent the local-national identity of Russian emigrants in the early 20th century.

**Keywords:** identity, empirical (derived from a source) knowledge, methodology, mythologem, personal history, “Russian European”, subjective dimension, emigration

*Natalya Selunskaya, Dr. Sc. (History), Professor, History Faculty, Moscow State University; selounsk@yandex.ru*